

ДИАЛОГИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Театру имени Руставели сто лет. Юбилей дает прекрасную возможность сказать все те слова, от которых в обычное время воздерживались, предлагая в лицах искусства выразить уверенность собой и веру, что главное еще предстоит свершить. Юбилей дает возможность в необходимости вспомнить об истории дела, истории, но будь оно заложено основательно, могла бесследно исчезнуть, не успев принести победы и людоедов. Юбилей предлагает в более широком взгляде на истинное значение, ибо локальные они не смогут даже бланкет, а связаны с общим состоянием культуры, которая в своей очереди есть отражение и достояние «накануны» времени. Обо всем этом шел разговор за «круглым столом» Советской культуры.

А. Аникст, доктор искусствоведения: Недавно я был в Англии, на Международном шекспировском конгрессе, в программе которого состоялся семинар, посвященный постановкам Шекспира на сценах театров социалистических стран. Наибольший интерес участников вызвал спектакль Театра Руставели «Ричард III». Чем же объясняется столь общий успех этой постановки? (Спектакль игрался не только в Великобритании — в Лондоне и на Эдинбургском фестивале, но и в Италии, ФРГ, Франции, Мексике...). Думаю, что тут два обстоятельства, две причины. Органичность в смысле трактовки, соединенные с новаторством в экспериментировании, которое служит средством выражения глубоко современных идей.

Есть разница между новаторством, которое легко превращается в шутку, ибо лишено идей, которые его питают, и смело, основу которой составляет богатство духовной жизни художника. Таковы, на мой взгляд, Роберт Стурра и театр, который он возглавляет.

Я вижу в искусстве руставелев черты глубоко национальные и вместе с тем близкие всем другим людям. Именно грузинский дух придает силе и силу трактовки «Павла и Мелом» и «Кавказского мелочного круга». Актеры не смотрят на происходящее со стороны, но живут в ситуации, близкой к жизни. Именно грузинский дух придает силе и силу трактовки «Павла и Мелом» и «Кавказского мелочного круга». Актеры не смотрят на происходящее со стороны, но живут в ситуации, близкой к жизни. Именно грузинский дух придает силе и силу трактовки «Павла и Мелом» и «Кавказского мелочного круга». Актеры не смотрят на происходящее со стороны, но живут в ситуации, близкой к жизни.

О. Табоков, народный артист РСФСР: Я не имею права ставить вопрос так, как ставит его доктор Аникст. Не берусь решать, какого Брехта нам показывать — в его «Чистом» виде или нет. Я могу говорить только о том, насколько спектакль созвучен времени, а с этим как раз все обстоит благополучно. Для меня главное, насколько действующие лица осязаемы и живы, системой современного человека. Однажды ночью, после гасящего спектакля «Современника» в Тбилиси, Верико Анджапаридзе сыграла для нас сцену из «Меден». Перед нами была настолько современно чувствующая женщина, что мне ставя понятны многие побуждения ее. Раньше представлявшиеся загадочными.

Г. Товстоногов, народный артист СССР: Сегодняшнюю эстетику руставелев я вижу в органическом соединении элементов национального искусства, психологиче-

ского театра и того, что дал сцене Бертран Брехт. Это не эгоизм, это новый стиль, который они сформировали и который ярко, талантливо выражен в их спектаклях. Новизна покорит, хотя для меня очевидно, что Роберт Стурра не мог бы сформировать как художник без того, что дали грузинской культуре режиссерские искания Салдо Амелии, который, как известно, был учеником Котэ Марджанишвили, а свою очередь, тесно связанного с искусством МХАТа.

Культура не возникает на пустом месте, притом что вопрос о прямом влиянии всегда сложен, как правило, разрешается субъективно. У меня не вызывает сомнения, что значительные явления сегодняшнего театра так или иначе связаны с опытом МХАТа, с открытиями Станиславского. Но это вовсе не значит, что следует пройти мимо того, что дал сцене Брехт.

З. Гугушвили, доктор искусствоведения: Для поколения современных людей Театр Руставели таков, каков он есть сегодня. Мне как театроведу положено знать и помнить прошлое. Знать, что на протяжении всей истории грузинская сцена была тесно связана с идеями национально-освободительного движения. Знать, что театр, который в 1921 году стал называться Театром имени Шота Руставели, был вооружен к жизни усилиями Ильи Чавчавадзе и Аники Церетели — известных грузинских писателей и общественных деятелей. Знать, наконец, что художественная форма спектаклей выражала свободоловие, патристические чувства народа, и оттого ей так приспало клокочущий темперамент, неустойчивые страсти, двойной актерский голос.

Г. Товстоногов: В годы своего отрочества я встал удивительный театр Салдо Амелии — театр потрясающих ритмов, редкой власти, ярко выраженного национального характера. Этот стиль выдерживала патетика, она была для него естественной. «Анзор» С. Шаншавишвили, «Лама» по Ваха Пшавела, шиллеровские «Разбойники» захватывали пафосом борьбы, духом романтического бунтарства.

А. Аникст: Время модифицирует традиции — пафос освобождения характерный для творчества основателей современной грузинской режиссуры, обретает у сегодняшнего театра форму более многостороннего отображения действительности. В ней соединены и пафос, и критика, и патетика, и сатира.

О. Табоков: Для меня Театр Руставели интересен прежде всего тем, что принадлежит сегодняшней жизни. Этой азымацией его художественные поиски, направление всей его деятельности. Он задает себе сложные вопросы и не уходит от ответов.

Он спрашивает, что действительно в что безразлично, он задумывается не только над тем, как жить, но и зачем жить.

Не в том главное — все спектакли руставелевской эпохи хороши или нет. Самое большое достоинство коллектива я вижу в его причастности к изменениям, которые происходят сейчас в жизни республики и связаны с известным постановлением о работе Тбилисского горкома партии. Литература, мимемотограф, сцена возвращают нам тот ореол, которым был окружен грузинский мужчина — Юрец, джигит, защитник справедливости.

Г. Товстоногов: Перед нами умный театр — он на уровне сегодняшних идей в самых разных областях: в науке, философии, политике. Это чувствуется в ходе его размышлений.

З. Гугушвили: Переоценить русское искусство всегда считало сцену кафедрой, с которой можно сказать миру много добра. Этот взгляд впитывался и открыто претворился замечательные авторы дореволюционной поры: Виссарион, Лео Алексеевич-Мещанин. Нате Гугушвили, их соратники по сцене.

Эпоха революции наложила особый отпечаток на деятельность Театра им. Руставели. Она определила его искания в области возвышенного, героического, романтического искусства. Первый же спектакль Котэ Марджанишвили «Фантазия Овсура» принес руставелевцам, вместе с именами грузинской сцены, политическое обновление. Я могла бы назвать немало известных всем имен, от Аники Хорави, Аники Васцдзе, Серго Станиславского, С. Канчели, М. Чавчава Гегеко, З. Мангалашвили, но хочу как высшую похвалу вспомнить слова В. И. Немировича-Данченко о самой великолепной романтике в самой простой форме.

О. Табоков: Маркс говорил, человечество весело расстается со своим прошлым, и именно этим, по моему, занят, этому отдал себя театр, стремясь сделать жизнь разумнее, радостнее.

Если же отойти от теории, то для меня романтизм — это любовь, это любовь, это любовь. Актеры умелыми, обаянием на сцене, и зал улетает вслед за ними.

Играя надо азартно. Както один режиссер сказал мне: ты что, с цепи сорвался, играешь так, будто завтра умрешь. Когда я вижу Рамза Чхиквадзе в «Кавказе», «Ричарде III», у меня такое апатичное, что он может умереть сегодня. Я говорю о прекрасной радости, которой одарил меня мой замечательный умелый коллектив.

Рост сценического мастерства — в режиссерского, и актерского — чрезвычайно важен сегодня. Только я еще раз хочу сказать о времени. Талант — в умении его слышать и слышать не старые, а новые песни. Театр Руставели умеет это делать — его художественная практика поднимает, он чуток улавливает голос улицы. Он умеет считаться со зрителем, не теряя себя.

Г. Товстоногов: Без учета зрителей современный театр победить не может существовать. Речь не о духовной близости сцены и зала, а этому искусству стремилось

всегда, но об эстетических вкусах публики. Сегодня они иные, нежели были вчера, и театр не в праве игнорировать это.

В эстетические привычки зала сегодня входит Брехт, но это вовсе не значит, что исполнитель вправе минимизировать процесс перевоплощения: путь этот надо обязательно пройти. Судья Азиза, сыгранный Р. Чхиквадзе в «Кавказском мелочном круге», — пример такого рода исполнения в самом высшем качестве. В его работе — точность рисунка, определенный стиль, острейший характер. Соединение, которое я чрезвычайно ценю. — Перевоплощение плюс познание.

Сейчас театр переживает кульминацию избранного им художественного пути, однако выразительные средства требуют обновления. Стабильный метод, система, изначало углублены, средства же не универсальны, их определяют автор и время. То, что я видел у руставелевцев, позволяет думать, что они это прекрасно понимают. Подтверждение я вижу в истории грузинского театра, тесно связанного с русской и советской сценой.

З. Гугушвили: Так было с самых первых дней — «Горе от ума» поставлено в Грузии уже в 1832 году, а руставелевцы всегда играли русскую и советскую классику. И система Станиславского была известна театру не понаслышке: Марджанишвили работал в Художественном...

А. Аникст: Всякое хорошее искусство должно быть талантливым, а самолюбием творчество. Так в свое время Станиславский активизировал творческую энергию Мейерхольда и Вахтангова, поэтому и такой театр, как Руставели, может побудить других режиссеров искать свое собственное лицо, свой особый стиль. Личность режиссера в сочетании с национальными традициями актерской школы может дать в итоге нечто свежее, оригинальное и даже совсем не похожее на то искусство, от которого пошло.

Г. Товстоногов: В принципе, конечно, правы, но я боюсь эгоизма. Всякий яркий талант вызывает подражателей, искусство терпит, становится заурядным.

О. Табоков: А что если посмотреть на это с другой стороны? Когда я увидел «Кавказе», то несколько дней только и делал, что рассуждал всем об этом спектакле. Взаимовлияние — это ведь еще и то, что вызывает в тебе такое желание работать лучше. Ты начинаешь понимать, какого уровня можно достигнуть в своем деле. Это важно, это вежливо пройдет через тебя и заставит измениться.

В этом смысле каждое талантливое искусство не должно в принципе достигать всем. Искусство — явление духовное, и мы испытываем его власть прежде всего в этой области.

Г. Товстоногов: Талант же эту власть удерживает и делает подлинной — так, если позволю, я закончу вашу мысль.

Театру сто лет. Не путь его может дататься годы и годами, если он не способен внести в dokonание своем делу.

«Круглый стол» вел
Н. ЛОРДИПАНИДЗЕ.